

Калеб КАРР

ИТАЛЬЯНСКИЙ
СЕКРЕТАРЬ

Потрясающий роман, который возрождает
сам дух произведений Конан Дойла!

Daily Express

Шерлок Холмс. Свободные продолжения

Калеб Карр

Итальянский секретарь

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Карр К.

Итальянский секретарь / К. Карр — «Издательство АСТ»,
2005 — (Шерлок Холмс. Свободные продолжения)

ISBN 978-5-17-116190-3

Тихий уют гостиной на Бейкер-стрит, 221б вновь нарушен: Шерлок Холмс получает зашифрованное послание от брата Майкрофта. Королева в опасности! При загадочных обстоятельствах погибли уже двое из ее близкого окружения... Величайший из сыщиков и его друг и помощник доктор Ватсон немедленно выезжают в шотландский замок Холируд, камни которого некогда уже обагрят кровью жертвы убийства. Три столетия назад по приказу супруга королевы Марии Стюарт здесь был заколот ее придворный секретарь и музыкант Давид Риццио. «Дела давно минувших дней»? А может, между этими преступлениями существует некая связь? Как бы то ни было, Шерлок Холмс, используя свой дедуктивный метод, намерен во всем разобраться и найти жестокого убийцу.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116190-3

© Карр К., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Калеб Карр

Итальянский секретарь

Caleb Carr
THE ITALIAN SECRETARY

Перевод с английского Т. Боровиковой

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

Серия «Алиенист»

© Caleb Carr, 2005

© Jon Lellenberg, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Хилари Хейл, лучшему другу, прекраснейшему редактору, без которой я бы никогда не увидел Холируд-Хаус, и Сююки, «т.к.д.п.»

Для удобства современного читателя архаичное правописание некоторых слов д-ра Джона Г. Ватсона было модернизировано.

Глава 1

О железном ящичке в банке Кокса

Средь изобилия опубликованных рассказов о приключениях, что довелось мне пережить в обществе Шерлока Холмса, лишь немногие посвящены описанию разнообразных дел, какие за честь почел бы совершить любой верноподданный гражданин этой державы. Я говорю о тех случаях, когда к действию нас побуждало какое-либо правительственное учреждение или же государственное лицо, но истинным клиентом выступала некая Высокопоставленная Особа, чье имя стало обозначением всей эпохи; сама она, или ее сын, именем которого тоже назвали исторический период, непохожий, но столь же интересный. Проще сказать, речь идет о Британской Короне; и теперь читатель, разумеется, поймет, почему большая часть моих записей о подобных делах покоится в железном ящичке, давным-давно вверенном банку Кокса на Чаринг-Кросс, – и, возможно, никогда больше не увидит света.

Среди этой обширной, однако же скрытой от посторонних глаз части моей коллекции одно приключение, несомненно, коснулось наиболее деликатных тайн; его я много лет называл попросту «делом итальянского секретаря». Всякий раз, когда мы с Холмсом объединяли силы, дабы разрешить его очередную «небезынтересную задачу», можно было биться об заклад, что от исхода дела будут зависеть чьи-то жизни, и несколько раз нашими усилиями решалось, останется ли у власти та или иная правящая партия; а порою на карту была поставлена и безопасность всей страны. Но никогда честь британской монархии (не говоря уж о душевном спокойствии самой королевы) не была в такой опасности, не зависела так от успеха нашего расследования, как в том случае. У меня есть веские доводы в обоснование столь громкой фразы; я смею лишь надеяться, что читателю они покажутся достоверными. Даже я счел бы их лишь плодом воспаленного воображения, чередой снов, подмешанных в явь, если бы Шерлок Холмс не нашел объяснения почти всем неожиданным поворотам и развязкам этого дела. *Почти* всем...

И вот, из-за нескольких необъясненных подробностей, дело итальянского секретаря навсегда осталось для меня источником скорее неутихающих сомнений, нежели (что чаще бывало результатом моих совместных с Холмсом изысканий) ободряющей уверенности. Как бы ни были сильны эти сомнения, они остались невысказанными. Ибо у души есть свои темные закоулки, куда вход заказан даже самым близким людям; если, конечно, владелец души не желает против воли очутиться в Бедламе...

Глава 2

Странное послание и еще более странная история

Кризис разразился в сентябрьские дни, необычно холодные и прозрачные, в тот год, когда, глядя на состояние дел в империи и цветущее здоровье нашей королевы, невозможно было представить, что одно или другое может ухудшиться; однако теперь я знаю, как близко было расстройство и того, и другого! Быть может, сама природа преступления, расследовать которое вызвали нас в эти дни бабьего лета, предвещала затмение обоих солнц? И, быть может, интерес королевы к этому расследованию проистекал из предчувствия, что вскоре ей придется отойти в вечность, а также из желания знать, что ожидает ее, когда с плеч наконец спадет бремя долгого и по большей части одинокого царствования и она будет допущена туда, где давно уже ожидает ее любимый консорт? Не могу сказать; и не могу открыть больше, нежели знал в момент начала расследования, поскольку всем сердцем желаю, чтобы на частную историю королевской семьи не пало ни тени сплетни или раздора. (В конце концов, банк Кокса – не более чем банк, хоть его служащие и пользуются надежной репутацией; и если хранимое в нем когда-либо попадет в руки предателей или просто воров, кто знает, для какой цели могут быть обращены эти секретные сведения?)

Что же касается самого дела, началось оно так же, как обычно начинались для меня новые дела тогда, в последний период моего сотрудничества с Холмсом: я открыл парадную дверь нашего жилища на Бейкер-стрит, и уши мои сразу сообщили мне – «игра началась» (Холмс часто употреблял это выражение, но в переносном смысле): весь дом сотрясали возбужденные шаги, доносившиеся из гостиной верхнего этажа. Отрывистый, нарочитый топот время от времени прерывали другие звуки, издаваемые скрипкой, но не заслуживающие названия музыки; натянутый смычок неритмично терзал струны, производя шум, больше всего похожий на хриплые вопли голодной кошки. Войдя в дом, я решился немедленно воззвать к миссис Хадсон и узнать, какое сообщение – письмо, записка или что иное – вызвало у моего друга такие недвусмысленные признаки умственной активности и сосредоточения.

Нашу квартирную хозяйку я вскоре обнаружил, едва не врезавшись в нее на ходу. Миссис Хадсон стояла у двери собственной гостиной и сверлила взглядом дверь третьего этажа, откуда слышалась какофония; на лице хозяйки читалась не столько тревога, сколько раздражение, и, может быть, отчасти обида; хоть меня совершенно не удивило, что источником ее раздражения был Холмс (даже наоборот), я немало растерялся, когда добрая женщина объявила, что не собирается сегодня подавать чай, – а я с нетерпением предвкушал эту возможность подкрепить свои силы, пока шел домой после съезда медиков, на котором провел целый день.

– Простите, доктор, но я его предупреждала! – сдержанно, но от этого не менее решительно заявила миссис Хадсон. – Ясно предупреждала, что если он будет продолжать в том же духе, то я ни словом с ним не перемолвлюсь до вечера, а может быть, и еще несколько дней, – и тем более не буду ему готовить!

– Разумеется, дорогая моя миссис Хадсон, – ответил я, взывая к тайной симпатии, соединяющей нас, двух страдальцев, кому больше всего в целом свете доставалось от переменчивого нрава Холмса, порою жестокого и неизменно язвительного. – Если Холмс действительно в плохом настроении, я не буду просить вас провести в его обществе ни минуты долее; но прошу вас, расскажите мне, что же он совершил, чтобы вас так расстроить?

Ей хотелось поведать мне все, но гордость возобладала, и миссис Хадсон ответила кратко:

– Что смешно одним, доктор Ватсон, совершенно не забавляет других. Довольно; несомненно, все остальное он вам изложит сам.

Скрестив руки на груди, миссис Хадсон возвела возмущенный взор горе, показывая, что я должен подняться на верхний этаж. Я знал, что лучше послушаться, ибо миссис Хадсон по временам проявляла подлинную негибкость – мы с Холмсом иногда сожалели об этом, но гораздо чаще у нас бывали причины этому радоваться.

Быстро поднимаясь в гостиную, я мысленно рисовал картину хаоса, царящего внутри, – ибо чаще всего источником возмущения для нашей хозяйки служили неправильный образ жизни Холмса и приступы того, что честнее всего было бы назвать неряшливостью, нападавшие на него временами. Однако, войдя в комнату, я был немало удивлен порядком и спокойствием, а также видом моего друга, чья фигура, худая, но бодрая и вполне пристойно одетая, вышагивала туда-сюда перед окнами, смотрящими на Бейкер-стрит. Подбородком Холмс прижимал скрипку, но, похоже, сам не сознавал, что с нею делает.

– Миссис Хадсон, я, честное слово, не знаю, что еще могу сделать, кроме как принести вам свои глубочайшие извинения! – крикнул Холмс в дверь, когда я открыл ее. Быстро кивнув мне с краткой улыбкой, которая означала, что Холмс действительно сыграл с хозяйкой какую-то мучительную шутку, он продолжал в том же духе: – Если вы укажете мне, каким еще образом я могу загладить свою вину, я буду счастлив повиноваться – в разумных пределах!

– Доктор Ватсон, будьте добры, передайте мистеру Холмсу, что он может поступать как ему заблагорассудится! – слабо, но решительно донеслось снизу. – И что, тем не менее, сегодня я не собираюсь его обслуживать – а я знаю, что он извиняется только для того, чтобы получить чай!

Холмс взглянул на меня, пожал плечами и кивнул острым подбородком на дверь, показывая, чтобы я ее закрыл.

– Боюсь, Ватсон, нам придется полагаться на собственные силы в отношении чая, – сказал он, как только дверь закрылась. Отложив скрипку и смычок, Холмс на секунду исчез в соседней комнате и вернулся, неся большую колбу на подставке, а также спиртовку. – То же и в отношении табака – у вас есть табак? Я выкурил все, что у меня было, пока обдумывал вот эту экстраординарную депешу... – Он поставил колбу и спиртовку на стол, взял с того же стола телеграфный бланк и помахал им, другой рукой зажигая спичку. – ...которая пришла меньше двух часов назад. А наша хозяйка, как вы уже слышали, наотрез отказывается даже в такой малости, как сбегать в лавочку...

Я забрал у Холмса бумагу и спросил:

– Но скажите, Холмс, в самом деле, чем же вы так расстроили бедную женщину? Мне редко приходилось видеть ее в таком гневе.

– Минуту, – ответил Холмс, наполняя колбу водой из стоящего рядом кувшина. – Пока что обратите все ваше внимание на телеграмму.

Фитилек спиртовки наконец запылал под доньшком колбы, и Холмс огляделся.

– Я некогда припрятал пачку галет, – бормотал он, неся чайницу красного дерева и две довольно сомнительного вида чашки с блюдцами, – как раз на подобный случай. Но боюсь гадать, где могут быть эти галеты и в каком они состоянии...

В этот миг, слушая возбужденные восклицания Холмса и видя, как он бежит по комнатам, разыскивая явно экзотические для него приборы, именуемые ложками, нельзя было не задуматься: быть может, приготовить чай ему труднее, нежели разгадывать научные загадки и расследовать преступления; но я не глядел на Холмса, настолько интригующим было послание, которое я держал в руке. Когда Холмс рявкнул:

– Табаку, Ватсон! – я вытащил из кармана кисет, но тут же опустил в ближайшее кресло, уже совершенно не внемля беспрестанным замечаниям моего друга.

Телеграмма была отправлена из почтового отделения на Абердинском вокзале и составлена была таким образом, что и телеграфист-шотландец, который отправлял ее, и его коллега

в Лондоне, который ее принимал, по всей вероятности, решили, что в ней говорится о повседневных мелочах или просто содержится набор ничего не значащих фактов.

ХЮ СТОНЕТ, ДОКТОР ПРОПИСАЛ ОСОБЫЙ, 800 ГРАН ОПИЯ ВЕЧ. «СОЛНЦЕ СЛИШКОМ ПАЛИТ, В НЕБЕ ПАРЯТ ТЕ ЖЕ ОРЛЫ» – СМ. МАККЕЙ И СИНКЛЕР, СОВМЕСТНЫЙ ТРУД. М-РУ УЭБЛИ БЫТЬ ПОД РУКОЙ; ПО ЛАДОНИ ЗАЧИТАНА СУДЬБА. КАЛЕДОНИЮ ЗАКАЗАНО ДВА СПАЛЬНЫХ. МАЙ КРОФТЕРАМ ТЯЖЕЛ, БЫТЬ ИМ КАРАНТИНЕ.

Я не мог похвалиться, что полностью разгадал послание, тем более что Холмс бежал по комнате в поисках пресловутых галет и все сильнее отвлекал меня; но одна догадка показалась мне правдоподобной, и я рискнул ее высказать.

– Ваш брат? – был мой первый вопрос.

– Браво, Ватсон! – весело отозвался Холмс. – Майкрофт, конечно, довольно неуклюже замаскировал свое имя, но его можно извинить – только в Шотландии на слово «крофтер»¹ никто не обратит внимания, и только в телеграмме, отправленной из Шотландии, это упоминание не привлечет любопытного взгляда... или наостренных ушей.

– Ушей? – в замешательстве переспросил я.

– Да, Ватсон, – вы, конечно, помните, что британские телеграфные линии уязвимы для электрического подслушивания. По крайней мере должны помнить, после той неприятной истории с нашим другом Милвертоном; он пользовался этой технологией, в числе прочих, для сбора информации о тех, кого собирался шантажировать; правда, мы выяснили это лишь после публикации вашего отчета о том деле. – Холмс вынул трубку изо рта и скосил на нее глаза. – Меня не удивит, если такой важный момент вылетел у вас из головы: ваш табак – для неженков, в нем почти что нет никотина. Однако, – он опять сунул черенок трубки меж зубами, – придется обойтись тем, что есть, раз миссис Хадсон сегодня дуется. Ага! У нас вода закипела!

И действительно – вода кипела и бурлила в округлой нижней части колбы и в длинном горлышке, откуда валил пар, отдающий легким зловонием химических реактивов.

– Не беспокойтесь, – сказал Холмс, открывая один из отсеков чайницы, – в моей смеси присутствует цейлонский чай, он успешно изгонит следы моих недавних опытов.

Чай был заварен в старом, выдавшем виды чайнике, а тот обмотан вязаным шарфом, чтобы сохранить тепло, Холмс же, в ожидании, пока чай настоится, продолжал допрашивать меня о телеграмме:

– Ну? Что-нибудь еще вам удалось разгадать?

Пытаясь сосредоточиться, я ответил:

– Если телеграмма и впрямь от вашего брата, это довольно странно. Насколько я помню, последний раз, когда мы втроем участвовали в расследовании, вы сказали мне, что ваш брат движется по треугольнику: из своей квартиры на Пэлл-Мэлл – в контору в Уайтхолле, а затем в клуб «Диоген»; встретить же его где-то вне этого маршрута – примерно то же, что увидеть трамвай на проселочной дороге...

– Все верно.

– И все же он пишет из Абердина? Что за происшествие заставило человека с такими размеренными привычками отправиться в неблизкий путь?

– Вот именно! – Я опять услышал в голосе Холмса те же уклончивые нотки, что звучали всякий раз, когда мы начинали обсуждать незаурядную личность его брата Майкрофта, высокопоставленного, однако безвестного чиновника британского правительства, человека, которому были известны глубочайшие государственные тайны. Холмс признавал превосходство брата как по возрасту (Майкрофт был семью годами старше), так и по силе ума, но Майкрофт

¹ Крофтер – мелкий фермер в Шотландии. – *Здесь и далее примеч. пер.*

был эксцентричен по натуре, и в своих передвижениях, как я уже упомянул, редко выходил за пределы маленького уголка Лондона, проводя в клубе не меньше времени, чем на службе. Клуб «Диоген» как нельзя лучше подходил для встреч подобных людей – точнее сказать, для времяпрепровождения, ибо члены клуба ходили туда не затем, чтобы встречаться друг с другом, но затем, чтобы не быть замеченными. То было подлинное убежище для лондонских мизантропов, укрытие от насильственной фамильярности лондонской толкотни, и человека могли исключить из клуба всего лишь за трехкратное нарушение главного правила – безмолвия.

Холмс уже давно рассказал мне, что у него есть брат, но правду о занятиях и связях брата открыл мне лишь много лет спустя, и то постепенно. И вот сентябрьским вечером Холмс протягивал мне чашку мутного чая, улыбаясь любезно и в то же время не без гордости, и я понял, что меня ждет очередной сюрприз.

– Вы помните, Ватсон, последний раз, когда Майкрофт попросил у нас помощи – в истории с чертежами субмарины Брюса-Партиingtonа? После завершения дела я в один прекрасный день съездил в Виндзор, а по возвращении на Бейкер-стрит довольно нескромно щеголял новой булавкой для галстука, с изумрудом. Вы спросили, откуда у меня эта вещь, а я что-то сказал насчет любезной дамы, которой оказал небольшую услугу.

– Да, и мне достаточно легко было угадать истину, – отозвался я и нахмурился, глядя в свою чашку. – Боже правый, Холмс, этот чай поистине ужасен, а принимая во внимание способ его приготовления – вполне возможно, что и ядовит...

– Не отвлекайтесь, Ватсон, – ответил Холмс. – Может, этот чай и резковат на вкус, но вам он будет полезен. Вернемся к делу: вы совершенно правильно решили, что булавку я получил от самой высокопоставленной обитательницы Виндзора, и притом в стенах самой древней резиденции этого города, – верно?

– Верно.

– Но вы *не* могли знать, что, явившись в замок, я обнаружил там Майкрофта, который беседовал с вышеупомянутой дамой... *без церемоний*.

Я резко поднял голову:

– Боже милостивый. Неужели вы хотите сказать, что...

– Да, Ватсон. Он *сидел в августейшем присутствии*. Более того, он сказал мне, что этой привилегией пользуется *уже несколько лет*.

Я не мог сразу осознать эту невероятную новость. Наша королева на всем протяжении своего царствования требовала, чтобы все слуги народа, вплоть до премьер-министров – и особенно премьер-министры, коих за годы ее правления сменилось немало, – скрупулезно соблюдали все правила церемониальных протоколов. Главное правило вменяло в обязанность стоять в присутствии королевы всем, независимо от возраста, подагры или иных хворей. Лишь в последнее время, на склоне лет, королева стала сочувствовать чужим болям в ногах до такой степени, что могла предложить главе правительства сесть; да и то лишь когда без этого совсем нельзя было обойтись; а Холмс только что поведал мне, что его брату Майкрофту, отнюдь не министру, человеку, исполняющему обязанности смертной, хоть и безошибочно работающей мыслящей машины для любых надобностей правительства, не имеющему титула и получающему жалкие четыреста пятьдесят фунтов в год, – *этому* человеку разрешено было нарушать незыблемое правило королевской аудиенции и, более того, разрешено, по всей видимости, уже много лет.

– Это совершенно немыслимо! – воскликнул я, на мгновение забыв даже про горько-едкий вкус Холмсова чая. – И вы ему верите?

Холмс, похоже, воспринял мой вопрос как оскорбление:

– Вы хотите сказать, что *вы* ему не верите?

Я быстро замотал головой:

– Нет, конечно же, верю. Просто сама крайность такого...

Туча, набежавшая на чело Холмса, рассеялась, и он сказал:

– Вне всяких сомнений, и я бы почувствовал то же самое, Ватсон, – но не забывайте, я своими глазами видел эту сцену: мой брат сидит и болтает с королевой, словно оба они – члены какого-нибудь карточного клуба!

Я быстро глянул на телеграмму еще раз:

– Значит... значит, он в Шотландии, потому что...

– Ну вот, теперь вы начинаете работать мозгами, Ватсон. Да, судя по времени года и той информации, которую я вам только что сообщил, можно сделать только один вывод – Майкрофт побывал в Балморале...

Мне пришлось опять сделать паузу и обдумать эту мысль. Замок Балморал, расположенный среди абердинширских нагорий, был выбран королевой и ее покойным принцем-консортом как выражение их общей сердечной любви к Шотландии: Балморал был самым любимым местом пребывания королевы после Виндзора, служил ей неформальной летней резиденцией, и навещали королеву в этом замке по преимуществу те, кто входил в малый придворный круг. Однако, по всей видимости, Майкрофта не только пригласили, но и поручили ему важную роль в каком-то деле, скорее всего – расследовании. Если, конечно, в зашифрованной депеше говорилось именно об этом.

– Если вы еще сомневаетесь, – продолжал Холмс, бесспорно, видя мое сомнение, – в телеграмме содержатся довольно ясные намеки, это подтверждающие.

Я продолжал разглядывать депешу.

– Но почему же Абердин? Наверняка вблизи королевской резиденции тоже есть телеграфные конторы.

– Да, и Майкрофта непременно заметили бы, если бы он зашел в одну из них, и после его ухода телеграфиста допросили бы, а может, и что-нибудь похуже.

– Кто?

Холмс показал костлявым пальцем на телеграмму:

– «Солнце слишком палит, в небе парят те же орлы». – Палец поднялся, указывая вверх, и Холмс улыбнулся. – Я более чем уверен, что перед отправкой этого послания Майкрофт хорошо пообедал в Абердине, вдали от глаз обитателей Балморала – строгих трезвенников. В юности Майкрофт обладал некоторыми поэтическими наклонностями, но, к счастью, ему было велено развивать свои истинные таланты, лежащие исключительно в интеллектуальной сфере. Однако под влиянием нескольких стаканов вина или портвейна, тем более бренди, злосчастная склонность к плохим стихам иногда по-прежнему дает о себе знать. Но, продравшись через нагромождение слов, мы поймем, что вокруг замка и в замке, а точнее – вокруг королевского двора на отдыхе, происходит какая-то кипучая деятельность, и она привлекла внимание наших зарубежных друзей.

Я знал, что Холмс имеет в виду презренных мужчин и женщин со всей Европы, что избрали самое низкое из всех ремесел – *шпионаж*.

– Но кто из ныне присутствующих в стране осмелится последовать в Шотландию за самой королевой...

– Только умнейшие и зловреднейшие представители этой породы, Ватсон. Майкрофт упоминает орлов – я полагаю, он не собирался сделать комплимент личным качествам этих людей, но намекал на гербы соответствующих стран. Если я прав, среди наших подозреваемых первое место займут агенты Германии и России, с затесавшимися кое-где французами. Хотя я не знаю, кто из французов сейчас работает на нашей территории – Лефевра на прошлой неделе австрийское правительство расстреляло, что весьма целебно подействовало на остальных французских резидентов по всему континенту. Есть два или три человека, представители других перечисленных мною наций, которые наверняка участвуют в игре. Но все это мы можем – и даже должны – обсудить в поезде.

– В поезде? – отозвался я.

– Честное слово, Ватсон, – даже после целого дня утомительных медицинских заседаний вы могли бы догадаться, что значит начало Майкрофтова послания. «Хью стонет, доктор прописал особый, 800 гран опия веч.». Вы, конечно, знаете, что 800 гран опия убьют любого человека? Без сомнения, он хотел сказать, что...

– Да! – Я почувствовал, что мое лицо просветлело, несмотря на неотвязный запах горького чая, который, как и предсказывал Холмс, во всяком случае пробудил мой мозг, утомленный целым днем умственной работы. – «Хью стонет», Ю-стон – Юстонский вокзал, откуда уходят почти все поезда в Шотландию!

Холмс потянулся за колбой:

– Позвольте, дорогой друг, я налью вам еще. Если простой каламбур становится для вас преградой, без чая вам не обойтись...

Я инстинктивно поднял руку, чтобы прикрыть чашку, но не успел: дымящееся ядовитое пойло уже хлынуло, и я бы смог его остановить лишь ценой довольно серьезного ожога.

– Но что там дальше? «Доктор прописал особый»? – Это был один из тех неловких моментов, когда ответ приходит в голову, едва успеешь выговорить вопрос. – Стойте, Холмс! Я понял! «Особый» – экстренный поезд!

– Который, – кивнул Холмс – еще одна чашка его собственного чая, по-видимому, доставляла ему истинное и непревзойденное наслаждение, – поскольку крайне маловероятно, что кому-то прописали 800 гран опия в один прием...

– Восемь-ноль-ноль! Поезд уходит с Юстонского вокзала ровно в восемь вечера, и мы должны на него успеть!

– Совершенно верно.

– Ну ладно, Холмс; вы так подробно описали несбывшиеся детские мечты вашего брата, что все остальное я наверняка разгадаю сам, пока мы будем ехать на север.

– Смело сказано, – пробормотал Холмс, опять хмурясь на свою трубку – или, точнее, на ее содержимое. – И что, вы даже рискнете поспорить на трехдневный запас табаку?

– Почему только трехдневный?

– Я не думаю, что это расследование займет больше трех дней – особенно если учесть, что нам предоставлен специальный поезд, да еще наверняка с высочайшего повеления. Но вы, разумеется, придете к тому же выводу, – добавил он, быстро искривив угол рта в ехидной улыбке; несомненно, подобной же улыбочкой он спровоцировал приступ сварливости у миссис Хадсон, – как только разгадаете все послание. Ну хорошо; судя по тому, откуда отправлена телеграмма, Майкрофт уже в пути. Я думаю, нам надо использовать время, оставшееся до поезда, чтобы как следует собраться, и ни в коем случае не забыть удочки для форели и лосося. – Я взглянул на него, удивленный этим тоном. – Ну, Ватсон, мы ведь не можем упустить шанс порыбачить в королевских ручьях по окончании наших трудов.

– Восхитительная мысль, – согласился я. – Но пока мы будем собираться как следует, я надеюсь, вы позволите мне для разгадки сообщения воспользоваться теми преимуществами, которые были у вас.

– У меня?

Я указал на какое-то количество газет, разбросанных по дивану и персидскому ковру.

– Я полагаю, эти издания находятся тут не без причины, особенно если учесть, что среди них есть несколько шотландских. Без сомнения, вы их купили и прочли уже *после* того, как пришло сообщение от вашего брата. Более того, я полагаю, что вы так торопились вернуться домой с этими газетами, что даже забыли проверить, достаточно ли у вас табака на вечер. Когда вы обнаружили, что табака действительно нет, вам так не терпелось углубиться в загадку, что вы решили не выходить опять на улицу, но попросили миссис Хадсон – и сделали это таким образом, что она оскорбилась.

Холмс издал резкое, пронзительное «ха!» – самое близкое к радостному смеху, на что он был способен.

– Отлично, Ватсон, в самом деле, отлично – мне обязательно надо вспомнить, что за химикалии были в этой колбе, и разрекламировать их смесь с цейлонским чаем как чудодейственное тонизирующее средство для мозгов! Итак – за сборы!

– Да, за сборы, – сказал я, вставая, пока Холмс шел к дверям; но когда я стал собирать газеты, из общей их массы выпорхнули и упали на пол две вырезки, очевидно, сделанные Холмсом: одна – из эдинбургских «Вечерних новостей» примерно двухнедельной давности, а вторая – из сегодняшнего «Вестника Глазго». Я подобрал заметки и взглянул на заголовки.

«Вечерние новости», как всегда, изъяснялись сдержанным тоном, но заметка была достаточно мрачная:

ТРАГИЧЕСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

В УСАДЬБЕ ХОЛИРУД

Королевский чиновник попал

в сельскохозяйственную машину

на дворцовых угодьях

Под этим заголовком рассказывалось об ужасной судьбе сэра Алистера Синклера, архитектора, специалиста по реконструкции старинных зданий, которому поручили реставрировать и даже слегка перестроить самые старые и обветшавшие строения дворца Холируд, официальной королевской резиденции в Эдинбурге (Балморал, как уже говорилось, служил королевской семье неофициальным летним жилищем). Холируд-Хаус в древности был аббатством, в Средние века – обителью шотландских королей, но более всего он прославился как любимое жилище Марии, королевы шотландской. Впоследствии Карл II превратил Холируд в барочный дворец, отстроив его после опустошительного пожара; потом, за столетие от побега Красавчика Принца Чарли до коронации нашей доброй королевы, дворец пришел в запустение. Но королева, сердечно любящая Шотландию, решила чаще показываться своим шотландским подданным, а также облегчить себе ежегодное путешествие на север. Холируд стал использоваться как удобное место для ночевки по пути в Балморал, и части дворца, построенные в эпоху барокко, были отремонтированы. Но самое старое крыло, что осталось от первоначального строения, до сих пор стояло нетронутым, и королева поручила эту работу сэру Алистеру Синклеру. Однако недолго архитектору довелось работать – согласно статье, он прогуливался в высокой траве, когда некое сельскохозяйственное приспособление, используемое для ухода за дворцовым парком и влекомое паровым трактором, пронзило его тело во множестве мест.

– Я помню, в «Таймс» была небольшая заметка об этом, – сказал я, быстро просматривая статью. – Но, Холмс, раз вы это вырезали, значит, подозреваете, что официальная версия не соответствует истине. А что же вы предполагаете?

Вместо ответа Холмс указал на вторую заметку, что была у меня в руке. «Вестник Глазго» рассказывал о втором происшествии, наглядно демонстрируя как разницу в стиле журналистики, так и ревнивое отношение к восточному городу-сопернику:

ЕЩЕ ОДНА КРОВАВАЯ СМЕРТЬ В ХОЛИРУДЕ!

Деннис Маккей, честный рабочий из Глазго, найден зверски убитым под окнами королевской резиденции!

НЕУЖЕЛИ ПОЛИЦИЯ БЕЗДЕЙСТВУЕТ?

Далее повествование продолжалось в том же духе, с упоминанием немногочисленных фактов, а именно: Деннис Маккей был десятником, его сэр Алистер Синклер пригласил управлять бригадой рабочих, которую вскоре должны были нанять. Тело Маккея было найдено в развалинах аббатства на дворцовых угодьях, и на теле имелось не названное в статье количество ран. На этом факты кончались, и в остальной части заметки «Вестник» излагал свою теорию, ядовито намекая, что Маккея убили эдинбургские рабочие – предположительно в отместку за то, что десятник собирался взять для этой работы в основном людей из Глазго.

– Так вы, Холмс, стало быть, как и Майкрофт, полагаете, что эти две смерти связаны между собой?

– А что, Майкрофт так полагает? – спросил Холмс.

Я спрятал газетные вырезки и опять показал Холмсу телеграмму.

– «Маккей и Синклер, совместный труд», – был мой ответ.

Холмс опять резко хохотнул, потом воскликнул:

– Ватсон, вы продвигаетесь такими темпами, что в поезде нам нечем будет заняться – идите и собирайте вещи!

– Очень хорошо, – отвечал я, запихивая под мышку остальные газеты – лондонские, в которых также повествовалось о двух смертях. – Да, Холмс, мне надо знать еще одно. – Он опять обернулся, всем видом своим выражая нетерпение; но я был упрям. – Я должен знать, что такое вы сказали миссис Хадсон, тогда я хотя бы попытаюсь примирить ее с вами – я полагаю, что сами вы не собираетесь этого делать.

Холмс хотел было отказаться, поскольку им уже овладела лихорадка очередного расследования. Но, видя, что я не тронусь с места, не получив ответа, он пожал плечами и вздохнул:

– Хорошо, Ватсон, так и быть.

Он встал у окна, на фоне которого я увидел его, войдя в комнату, и я присоединился к нему. Мы выглянули наружу и увидели, как Бейкер-стрит затихает по окончании дневной суеты.

– Ватсон, вы когда-нибудь обращали внимание на тот магазин, через дорогу и чуть наискосок? Я имею в виду вон ту мелочную лавочку, принадлежащую некоему пенджабцу.

– Да, он вроде бы честный торговец, – отвечал я. – Я сам иногда у него кое-что покупаю.

– А вот наша хозяйка покупать у него не желает.

– Верно. Она утверждает, что не понимает его акцента.

– А вам-то он понятен?

– Да, но я бывал в тех местах, откуда родом хозяин лавки. На что вы намекаете, Холмс?

– Лишь на то, что миссис Хадсон понимает нашего индийского друга не хуже, чем вы, Ватсон. Ее отказ приобретать товары в этой лавке имеет совершенно иную причину...

– А именно?

– Нынешний владелец снимает помещение лет тридцать пять. До того магазин десять лет пустовал – ни один британец не решался открыть в нем свое дело, хотя любой магазин на такой людной улице, несомненно, имел бы отличный оборот.

– Но почему же? И при чем тут миссис Хадсон?

– В то время, о котором я говорю, миссис Хадсон только что вышла замуж и только что поселилась на Бейкер-стрит. В доме тогда жил некий колбасник с семьей, лавка принадлежала ему же. Колбасник пользовался прекрасной репутацией... пока соседи не заметили, что его жена куда-то исчезла, а потом и дети стали пропадать один за другим. Далее следует захватывающая дух история – короче говоря, пошли разговоры о том, что пропавшие домочадцы колбасника имеют какое-то отношение к превосходному качеству его колбас... потом как-то ночью сосед услышал крики в доме и вызвал полицию. Колбасника нашли в подвале, который к этому времени был больше похож на кладбище.

– Боже мой! Он был сумасшедший?

Холмс кивнул:

– Обычное дело – мания; он полагал, будто мир лежит во зле; он любил свою жену и детей и решил, что им не место в юдоли греха; и отправил их всех, одного за другим, в лучший мир, поручив их заботам Всевышнего...

Я покачал головой, глядя на оживленную улицу:

– Да, вы верно сказали – это ужасное помешательство, и притом довольно распространное. Но все же я не вижу, какое отношение к этой истории имеет миссис Хадсон.

– Неужели? Представьте себе, какие слухи пошли в округе после страшной находки и как они должны были подействовать на молодую женщину, только что поселившуюся на этой улице и вынужденную проводить в одиночестве большую часть дня. Разумеется, какая-нибудь знакомая сплетница, что жила по соседству со злосчастным домом, не преминула рассказать, что ночной порой сквозь стены доносятся странные звуки: женские стоны, детский плач и явственный скрежет лопаты, взрезающей землю. Другая соседка, возможно, желая перещеголять первую, поклялась, что видела девушку в белой ночной рубашке, тоскливо блуждающую вечерами по дворику за домом. Слухи множились... и по сей день никто из обитателей Бейкер-стрит, живших здесь во дни, когда преступление было раскрыто, не ступит ногой в эту лавку.

Холод пробрал меня до мозга костей, хоть я изо всех сил пытался отреагировать как разумный человек.

– Но, Холмс, почему же вы мне раньше никогда этого не рассказывали?

– К слову не приходилось, – просто ответил Холмс. – А сегодня, когда я обнаружил, что у меня кончается табак, я, как вы совершенно верно догадались, попросил миссис Хадсон сходить в табачную лавочку и пополнить запасы. Она заявила, что слишком занята и не может предпринять это путешествие; тогда я предложил ей хотя бы перейти через дорогу и поглядеть, что есть у нашего друга пенджабца. Она стала отказываться, и я, боюсь, довольно кровожадно прокомментировал ее нежелание идти, а она сочла, что я над ней издеваюсь.

Я постарался ответить как можно более сурово – учитывая, что час был уже поздний и нам следовало торопиться:

– Знаете, Холмс, вы могли бы хоть немного уважать ее убеждения, даже если они отличаются от ваших.

С этими словами я поспешил к себе в спальню и начал торопливо укладывать свои скромные пожитки в чемодан.

До меня донесся голос Холмса, в котором явственно звучало недоумение:

– А почему вы думаете, Ватсон, что мои убеждения так уж сильно отличаются?

– Я только хотел сказать, – стал объяснять я, забравшись в чулан в поисках удочек и снастей, – что если миссис Хадсон придерживается верований в духов и привидения, зачем вам обязательно нужно...

– Да, но я и сам придерживаюсь таких верований, Ватсон!

Я на мгновение замер, ожидая услышать пронзительный хохот – и вдруг испугался, когда хохота не последовало.

– О *чем* вы вообще? – спросил я, возвращаясь в гостиную.

– Вот о чем: я верю – не так, как наша домохозяйка, по-иному, но все же непоколебимо верю – в могущество призраков. Должен вас предупредить, Ватсон, что в ходе нашего теперешнего расследования и вам придется пересмотреть свои взгляды на этот счет. – Теперь Холмс в свою очередь удалился в спальню и начал собирать вещи.

– Вы шутите, конечно же, – крикнул я ему вслед; я понимал, что мне хотелось – даже странно, почему так сильно хотелось – убедиться, что говорил он не всерьез. – Мы с вами расследовали множество случаев, в которых якобы действовали потусторонние силы, и вы никогда...

– Да, Ватсон, но нам не случалось вести расследование в месте, подобном Холируд-Хаусу!

– Ну хорошо, это королевский дворец – так что с того?

Я понял, что стою, уставившись на витрину лавки на той стороне улицы с гораздо большим ужасом, нежели раньше и нежели требует предмет нашей беседы, а Холмс говорит:

– Двое слуг королевы, которые должны были принять участие в реконструкции самой старой части дворца, комнат, в которых некогда обитала сама королева шотландская, – не успели эти двое приступить к работе, как были найдены мертвыми от бесчисленных ужасных ран. Неужели эти обстоятельства, эти ужасные совпадения вам ничего и никого не напоминают?

Я собирался заявить, что по-прежнему понятия не имею, о чем идет речь; но тут очертания старой, старой истории начали понемногу проступать в памяти, и я невольно содрогнулся.

– Да, Ватсон, – тихо сказал Холмс, подходя к моему окну. – Итальянский секретарь... – Он тоже выглянул в окно, и странным, замороженным голосом произнес: – *Риццио*...

– Но... – услышал я собственный голос, тихий и запинаящийся. – Холмс, это же было триста лет назад! Какое...

– Однако люди говорят, что он до сих пор бродит по дворцовым залам, взыскав возмездия...

Я опять невольно содрогнулся – и это привело меня в ярость:

– Чепуха! Но даже будь это правдой, зачем, во имя всего на свете...

– Вот *это* мы и должны понять, друг мой, – и желательно до того, как приедем на место назначения. – Холмс взглянул на часы на каминной полке. – Пора, Ватсон, пора – в дорогу!

Глава 3

На север, к шотландской границе

Какие бы иллюзии ни питал я насчет роскоши, окружающей путешествующих под эгидой королевского дома, все они развеялись, едва я увидел чудовище, ожидавшее нас на старой обветшавшей платформе в некотором отдалении от главных путей и зданий Юстонского вокзала. Мы едва успели вовремя прибыть к пункту нашего отправления (несмотря на пари и какое бы то ни было расследование, Холмс и слышать не желал о том, чтобы сесть в поезд без по меньшей мере изрядного запаса табаку нужной смеси, приготовленной самым надежным его поставщиком, поэтому на вокзал мы ехали кружным путем); и даже в сумерках, а может, именно *из-за* того, что смеркалось, огромный паровоз, сверкающий прожекторами и фыркающий в нетерпении, разводя пары в котле, представлял собой такой разительный контраст с маленьким, очень одиноким пассажирским вагончиком, который, если не считать угольного бункера, и составлял собою весь поезд. Я решил, что устроители путешествия пожертвовали всяческим удобством ради скорости, и моя догадка подтвердилась, когда мы подошли к вагону и обнаружили ряд унылых, ничем не приукрашенных купе. В головном и хвостовом купе расположились молодые люди в штатском, которые тут же дали нам понять, что они не из полиции. А *откуда*, они не сказали, и, зная, что эта загадка бросит вызов Холмсу и, может быть, слегка развлечет его, я промолчал, хоть и заметил, что выправка у них явно военная.

К нам подошли двое, видимо – командиры. У одного было кислое лицо и острый нос, у другого лицо было более приятное и располагающее.

– Добрый вечер, джентльмены, – произнес последний. – Пожалуйста, войдите в вагон, и мы отправимся в путь. Боюсь, у нас нет времени на любезности, но я только хотел бы сказать, что для всех нас большая честь приветствовать вас в этом поезде.

– Благодарю вас, лейтенант?... – вопросительно не договорил Холмс.

Первый молодой человек улыбнулся, а второй нервно заходил из стороны в сторону.

– Отлично, мистер Холмс. Но, к сожалению, мы пока не можем назвать вам своих имен и воинских званий – у нас приказ.

– Я полагаю, бесполезно спрашивать, чей именно?

– Верно, сэр.

– Пора отправляться, – резко сказал второй.

– Конечно, – ответил Холмс, подходя к одному из средних купе вагона. – Но помните, юноша, что скрытность – не *всегда* лучшая стратегия для сохранения тайны.

– Что вы хотите сказать, мистер Холмс? – с определенным негодованием спросил кислолицый молодой человек.

– Хочу сказать, что раз вы отказываетесь от разговора, мне придется полагаться на собственную наблюдательность, – ответил Холмс. – А она у меня гораздо лучше развита, нежели способность к светской беседе. Например, пока вы столь красноречиво молчали, я понял, что в вашей осанке навеки запечатлелась армейская выправка; и все же по вас не скажешь, что вам приходилось подвергаться значительным физическим нагрузкам или что вы много бывали на открытом воздухе. Поэтому несложно сделать вывод, что вы либо штабной офицер в невысоком чине, либо сотрудник военной разведки в чине более высоком. И какое из этих предположений в нашей ситуации кажется наиболее вероятным? – Неприятного типа это задело за живое, и Холмс подошел к нему. – Дружелюбная беседа порою служит самым лучшим прикрытием, и, несомненно, ваш коллега из военно-морского флота это уже понял. – Холмс постукивал костяшками пальцев по груди армейского офицера, сказал: – Извольте это запомнить, – и вошел в вагон. – А вам, сэр, – добавил он, опустив окно и обращаясь ко второму моло-

дому человеку, – я бы посоветовал, если, конечно, вы желаете преуспеть на вашем теперешнем поприще, избавиться от походки вразвалочку!

Молодой человек невольно засмеялся и с уважением оглядел нас с Холмсом, закрывая дверь купе.

– Приятной поездки, джентльмены, – сказал он, – и дайте нам знать, если мы можем чем-то быть полезны...

Он махнул рукой людям впереди и позади нас, поезд дернулся и тронулся с места.

Невзирая на веселость этого офицера, меня стали одолевать мрачные предчувствия – та тревога, что охватывает человека, когда ему неизвестно даже, кому он может доверять и почему; я нередко испытывал подобное в Афганистане, а теперь у меня возникло похожее ощущение в связи с этой поездкой. По мере нашего продвижения на север моей тревоге суждено было перейти в глубокую философскую скорбь и даже ужас. В начале пути мы с Холмсом бодрились, занявшись разгадкой оставшейся части Майкрофтовой телеграммы в попытке разрешить наше пари. Но в телеграмме осталось довольно мало темных мест. Фраза про «мистера Уэбли»² никого не поставила бы в тупик (кроме разве людей, ничего не смыслящих в британском огнестрельном оружии). Майкрофт знал, что я беру свой армейский револьвер лишь на самые опасные вылазки, а значит, таким недвусмысленным намеком хотел сообщить, что наши противники опасны и жестоки. По правде сказать, предостережение было совершенно излишним, принимая во внимание судьбу, постигшую двоих людей, предположительно имеющих отношение к нашему делу. Странное упоминание ладони и «зачитанной судьбы» могло бы ненадолго сбить меня с толку, если бы я не знал, что по крайней мере один преступник из тех, с кем Холмсу приходилось сталкиваться, некий «Свинтус» Шинвелл Джонсон, имел привычку по временам носить с собой дьявольское уродливое орудие, именуемое «наладонным защитником»: полностью уместившийся в ладони однозарядный пистолет под укороченный патрон 32-го калибра. Короткий ствол высывался меж средним и безымянным пальцами, а спусковым крючком служил рычаг, на который нужно было нажимать пяткой ладони. Преступный мир Лондона перенял это оружие у чикагских бандитов, а Шинвелл Джонсон, будучи осведомлен об интересе Холмса к экзотическому оружию, даже подарил ему один такой после завершения одного особо трудного дела, над которым они работали вместе; но для чего Майкрофт советовал нам взять его с собой во дворец, мы с Холмсом так и не смогли догадаться. Однако распоряжения брата мой друг не ослушался, хоть и вверил это оружие мне по дороге на вокзал.

Мы перешли к следующему ребусу, а наш поезд к этому времени уже летел, гигантской шутихой пронзая чернейшую ночь, ибо с Северного моря налетела гроза, словно желая окончательно уверить нас в том, что расследование не сулит ничего хорошего. Фраза «Каледонию заказано два спальных», как мне показалось, имела двоякий смысл: она подтверждала (на случай, если бы мы еще не догадались), что наш путь лежит в Шотландию³; в то же время наш противник (или противники) решил бы, что мы отбыли за границу на борту «Каледонии». Заглянув в «Таймс», мы обнаружили, что Майкрофт все предусмотрительно проверил: в самом деле, на следующий день пароход «Каледония» компании «Кьюнард» отправлялся из Саутгемптона в Нью-Йорк. Меня это слегка приободрило, ибо, как уже упомянул Холмс, мы знали, что некоторые талантливые и решительные преступники справедливо считали тайну переписки, хранимую английским телеграфом, лишь незначительной помехой для сбора информации о своих противниках. Поэтому я был бы счастлив, если бы кто-то из наших врагов поверил, что мы сейчас в Америке.

² «Уэбли» – известная оружейная марка. Револьверы «Уэбли» находились на вооружении офицеров британской армии с 1887 г.

³ Каледония – древнее название северной части острова Великобритания, к северу от Адриановой стены, отождествляется с нынешней Шотландией.

Начало последней строки телеграммы мы с Холмсом уже разгадали; я предположил, что окончание фразы служит лишь завершением аналогии, подтверждением того, что Майкрофт встретит наш поезд в «карантине» – так моряки называют место, обычно недалеко от порта назначения, где власти проводят осмотр судна, пассажиров и команды. В нашем случае эта точка должна быть достаточно далеко от Эдинбурга, чтобы Майкрофту хватило времени ознакомиться нас со всеми подлинными фактами дела до прибытия на место. На этом телеграмма внезапно заканчивалась; при обычных обстоятельствах я был бы горд тем, что так ловко ее разгадал. Но нам в эту ночь предстоял долгий путь, и даже при той скорости, какую развивал паровоз, до границы с Шотландией оставалось еще немало. Похоже было, что нам не удастся скоротать это время сном или же каким-то иным способом избежать обсуждения мрачной темы, мельком затронутой Холмсом перед нашим отъездом с Бейкер-стрит, а она, между тем, вызывала у меня смертный ужас – а также, разумеется, сомнения в здравости рассудка моего друга.

– Это чудовищная история, Ватсон, – задумчиво говорил Холмс, довольный тем, что у него наконец было вволю табаку его любимого «бодрящего» сорта; табак уже тлел у него в трубке, и Холмс предвкушал погружение в детальный разбор жестокости человека к человеку, как иной мог бы предвкушать сытную и обильную трапезу. Правда, эксцесс, о коем Холмс намеревался говорить сегодня ночью, случился триста лет назад; но у Холмса своеобразное понимание добра и зла, и ему не важно, когда совершилось преступление, вчера или в прошлом году; напротив, тот факт, что правосудие так сильно запоздало, лишь заставлял его мозговые шестеренки крутиться быстрее. – Воистину чудовищная, но все же знать о ней в определенном смысле полезно, – продолжал он с оттенком презрения в голосе. – Наши современники привыкли думать, что Елизаветинская эпоха – это Шекспир, Марлоу и Дрейк⁴, выдающиеся литераторы и еще более выдающиеся патриоты. Мы забываем, что у этой эпохи была и обратная сторона, довольно отвратительная, что в те годы на кострах сгорело куда больше англичан, чем играло на сцене всех театров, вместе взятых; что шпионов-убийц, торговцев тайнами, было больше, чем героев, ступавших на палубы победоносных кораблей. Ведь и Марлоу встретил свою смерть не мудрым, престарелым поэтом, но юным тайным агентом, при исполнении служебных обязанностей, когда в глазницу ему вонзился кинжал другого шпиона.

– Но послушайте, Холмс, – запротестовал я, отчасти сердито; я всегда считал политические и исторические воззрения моего гениального друга несколько примитивными (до сих пор помню, как во время нашей первой встречи Холмс признался, что никогда не слышал о Томасе Карлайле⁵, и тем более не читал ничего из его трудов). Однако это никогда не служило источником раздоров между нами; хотя интерпретации Холмса страдали некоторой упрощенностью, они, как правило, не расходились с моими собственными чувствами. Но по временам он проявлял то, что я не могу назвать иначе как юношеским цинизмом, – а ведь любой человек с военным прошлым воспринимает обиды своей истории и своей нации именно сердцем, хотя умом, возможно, оценивает факты совершенно иначе. – Мы ведь говорим сейчас о Шотландии, а не об *Англии*.

– Мы говорим об особенно омерзительном преступлении, на которое преступники никогда не осмелились бы без поддержки влиятельных англичан, без тайного участия самой высокопоставленной интриганки, Елизаветы. Нет, Ватсон, у нас не выйдет положить эту кровавую трагедию в папку с надписью «Чего только не бывает в этой Шотландии» и забыть о ней. Хотя финал истории убедил в обратном многих так называемых патриотов Англии.

Точке зрения Холмса, конечно, недоставало тонкости, но по сути она была верна. Более того, я понял (и мне стало неловко за мой поучающий тон), что забыл подробности печально

⁴ Кристофер Марлоу (1564–1593) – английский поэт и драматург; крупнейший из английских дошекспировских драматургов. Фрэнсис Дрейк (1540–1596) – английский мореплаватель, пират, инженер, государственный деятель, политик Елизаветинской эпохи.

⁵ Томас Карлайл (1795–1881) – английский публицист, историк, философ.

знаменитого убийства Давида Риццио, личного секретаря, учителя музыки и наперсника Марии, королевы шотландской. Но, как я уже сказал, Холмс мастерски умел рассказывать подобные истории, неважно, где и когда они произошли; и тут же оказалось, что он готов закрыть глаза на резкость старого вояки и помочь мне вновь ознакомиться со всеми подробностями этого давнего дела, пока мы несемся по срединной Англии и йоркширским пустошам – трудно было бы сыскать более подходящий фон для подобного рассказа, да еще притом, что снаружи бушует гроза.

Время действия – 1566 год; место действия, конечно, Холируд-Хаус, или, как он тогда назывался, Холирудский дворец. (Название «Холируд» происходит от самой драгоценной реликвии давно несуществующего аббатства – ее хранители твердо верили, что владеют подлинной частицей Креста Господня⁶.) Мария – молодая наследница шотландского трона, католичка; Марию убедили, что она – законная претендентка также и на английский престол, на место Елизаветы; ибо королевой-девственницей должна была закончиться ветвь Тюдоров, самая прямая ветвь наследования английского трона; Мария же была правнучкой основателя династии, Генриха VII, молодой и предположительно способной к деторождению. Таким образом, Мария неведомо для себя стала пешкой в попытках Франции (откуда родом была мать Марии) наводнить протестантскую Англию солдатами Истинной Веры. Юные годы Марии прошли большей частью при французском дворе, а не в бедствующем королевстве ее отца, более того – ее выбрали в жены юному, хилому королю Франции. Вскоре выяснилось, что хворь новобрачного смертельна; и молодая красивая вдова обнаружила, что ее ждет не скорбное существование затворницы, но жизнь, полная новых и удивительных возможностей. Европейские принцы неустанно ухаживали за Марией, и скоро стало ясно, что возвращение в Шотландию – лишь одна из множества открытых ей дорог, и притом самая трудная и опасная, ведь пока Мария жила за границей, Шотландия стала официально протестантским государством.

Но у Марии была душа, как сейчас сказали бы, *авантюристки* – в наше время такие женщины встречаются все чаще. Проходили месяцы. Мария привечала то одного, то другого царственного претендента на ее руку. В это же время началось ее соперничество не на жизнь, а на смерть с «английской кузиной» – и политическое, и личное, причем, по словам многих очевидцев, более личное, нежели политическое. Мария решила рискнуть всем – вернуться на родину в одиночку и в одиночку же потребовать, чтобы ей вернули шотландский престол.

Многим шотландцам пришлось по сердцу смелый поступок королевы: своим возвращением она показала, что уважает чаяния своих подданных. Особенно тепло королеву приветствовали в столице, и даже не особенно возмущались, когда Мария, привычная к европейским порядкам, перенесла королевскую резиденцию из основательного, но мрачного эдинбургского замка в изящный дворец Холируд на западной окраине города. Мария окружила себя шотландскими фрейлинами вдобавок к тем, что прибыли с ней из Европы, и немедленно взялась учиться шотландскому диалекту (чтобы говорить со своими дворянами на приемах), а также любимым шотландцами развлечениям – охоте, стрельбе из лука, музыке, гольфу и танцам. Она была способной ученицей, но довершило ее успех то, что она не пыталась восстановить в Шотландии католическую веру.

– И все же, подумайте, Ватсон, каким потрясением это было для столь молодой еще королевы! – заметил Холмс. – Почти всю жизнь прожить в утонченной Европе – и вернуться в страну, которую все ее французские друзья и родственники считают варварской; настолько варварской, что существует особое выражение, означающее, что человека многократно пронзили насквозь, *poignarder à l'éccosais* – жуткое предвестие преступления, свершившегося на глазах у самой Марии... – Холмс поплотнее закутался в плащ: в купе с открытым окном стано-

⁶ От *англ.* Holy Rood – Святой Крест.

вилось все холоднее. — ...а также — связующая нить между давнишним преступлением и теми, что мы собираемся расследовать.

Тут я припомнил, как встретили свою смерть Синклер и Маккей, покойные несчастливцы, про которых я почти забыл, пока паровоз, словно машина времени, нес нас с Холмсом через этот бесславный эпизод нашей истории — *poignarder à l'éccosais*, их закололи по-шотландски. Я подивился про себя: неужели мой друг и вправду полагает, что есть какая-то связь между старинными придворными интригами и нашим сегодняшним делом?

— У вас на лице написан само собой разумеющийся вопрос, Ватсон, — заметил Холмс, и, как всегда, не ошибся. — Верьте мне, на него ответит только время, а пока позвольте мне завершить рассказ... Итак, четыре года Мария довольно успешно лавировала в бурных и зачистую кровавых водах шотландской политики — и тут перед ней опять встал вопрос о замужестве. Ее придворные и подданные желали получить наследника и ясно дали понять, что отец этого наследника — ребенка, который со временем может занять не только шотландский, но и английский престол, — *не* должен быть ни иностранцем, ни католиком. Требовался местный, шотландский дворянин и протестант; и Мария совершила злосчастную ошибку, внезапно влюбившись (или решив, что влюбилась) в Генри Стюарта, лорда Дарнли. Во Франции Дарнли звали «учтивейший болванчик» (увы, я не способен произнести, как это будет по-французски), но красотой он не уступал самой Марии. Похоже, в основе их недолгой страсти лежало лишь телесное влечение. Однако глупость Дарнли, как оказалось, сильнее повлияла на дальнейшие события, нежели его красота. Новый принц стал игрушкой в руках дворян, желавших окончательно искоренить всякое католическое влияние на королеву, начиная с придворных-папистов, как иностранных, так и шотландских, которых королева по-прежнему к себе приближала... — Холмс умолк и еле заметно покачал головой. — Подумайте, Ватсон, у этих людей было столько разных способов добиться желаемого... — Презрение в голосе Холмса приобрело едва ли не погребальный оттенок. — Точнее, столько *разумных* способов. И ведь простейший, скорее всего, оказался бы и самым действенным. Мария была отнюдь не глупа, и если бы столь же умные люди объяснили ей расстановку сил в Шотландии и, самое главное, — роль замужества и будущего потомства Марии в английском престолонаследии, — она, без сомнения, поняла бы их. — Печаль Холмса опять сменилась гневом. — Но подобные люди всегда считают, что чем грубее довод, тем он доходчивее. Поэтому они решились действовать насилием, чтобы запугать и склонить к сотрудничеству, продемонстрировать наглядный и пугающий пример того, как политика захватывает и поглощает жизнь отдельного человека... Союз Марии с Дарнли вскоре оказался лишь недолгой и преходящей влюбленностью, причем для обоих. Мария разочаровалась в своем супруге и охладела к нему; он же, будучи глуп, решил показать своей жене, что он не только глава семьи, но и решительный политик. То, что Мария уже несколько месяцев носила под сердцем плод их недолгой страсти, вероятно, лишь подстегивало Дарнли; заговорщики, без сомнения, еще сильнее хотели объяснить королеве, что теперь, когда она носит во чреве будущее королевства, она тем более должна прекратить якшаться с католическими придворными. И еще кое-что следовало принять во внимание: чем долее Мария ходит к мессе и допускает католических советников к себе в опочивальню, тем более растет ее ненависть к Елизавете и к хладнокровным прихвостням Елизаветы, во главе со шпионом и убийцей Вальсингамом... Итак, Дарнли и его храбрецам оставалось лишь выбрать — и кто же пал жертвой этого выбора? Давид Риццио... Учитель музыки, танцмейстер — скорее придворный шут, чем «секретарь». Поистине трудно было найти при шотландском дворе человека менее значительного и менее влиятельного. То, что преступники выбрали столь незначительную жертву, лишь обличает их злобу и бедность воображения — с тем же успехом они могли бы убить одного из спаниелей королевы. Конечно, Риццио был очарователен, он прелестно танцевал, умело играл на музыкальных инструментах и учил музыке. Он и впрямь был необычно близок к королеве, часто ужинал у нее в покоях и там же до поздней ночи развлекал королеву и придворных дам.

Ходили, конечно, слухи, что он оказывает собравшимся женщинам также услуги иного рода, но уже тогда эти слухи были развеяны как беспочвенные. Правду сказать, гораздо важнее было, что Риццио – итальянец, и, таким образом, его можно было представить невеждам и глупцам как агента «римского епископа». – Холмс почти выплюнул в окно очередную струю дыма. – И вот такие глубокие мыслители вершат судьбы безобидных дурачков, а также империй... – Мой друг внезапно поднялся во весь рост, противостоя вагонной качке. – И все же, Ватсон, главный урок этой истории не то, что Риццио убили, а то, что люди верят бессмыслице; верят, что для королевы он был чем-то большим, нежели напоминанием о беспечных днях ее европейской молодости. – Праведный гнев Холмса искал выхода в движениях, и в купе стало тесно, когда Холмс опять забегал взад-вперед, как в наших комнатах на Бейкер-стрит в самом начале этой истории. – Представим себе голые факты, физиологию: Риццио был маленького роста, ужасно некрасив собой, по некоторым сведениям – горбун. Мария же была необычайно высокая, красивая женщина, и ей, как известно, нравились мужчины определенного типа, к которому относился и Дарнли. Возможно ли, что женщина такого воспитания и наклонностей вдруг забудет и благородные обычаи, и благородные вкусы при виде «ослепительной красоты» итальянского карлика-музыканта? Однако и в наше время вы найдете в Англии разумных людей, которые этому верят, пересказывают какие-то средневековые легенды об особой мужской силе горбунов, хотя у нас нет ни одного доказательства, что Риццио был из таких, – вообще ни одного доказательства, что он был не просто веселым и остроумным собеседником, а чем-то еще... Нет, Ватсон!

– Дорогой мой Холмс, да я ведь и не спорю!

– Нет, говорю я вам! – Несомненно, Холмс обращался ко всему английскому народу – а поскольку английский народ при разговоре не присутствовал, я был для Холмса удовлетворительной заменой. – Убийцы часто клеветают на жертву, чтоб оправдать себя, и гораздо чаще – когда убийство совершается в среде принцев и их слуг! Только представьте себе эту сцену... Холодная мартовская ночь. Мария в тягости, на шестом месяце. Этот ребенок действительно станет не только шотландским королем, но и, что не столь определенно, законным наследником английского престола. Мария зовет придворных дам к себе в покои, расположенные в старейшем крыле Холируд-Хауса, с башней. Чтобы вы не подумали, Ватсон, будто я блуждаю умом, отклонившись от нашего расследования, я добавлю, что это те самые комнаты, которые лишь несколько недель назад был приглашен восстанавливать сэр Алистер Синклер; эти комнаты стояли почти нетронутыми с той самой ночи и по сей день. Запомните этот факт; если он не играет роли, мы можем благополучно вернуться в Лондон, оставив расследование Майкрофту и его удивительным молодым людям. – Холмс махнул рукой в сторону головного и хвостового купе, где располагались означенные молодые люди. – Нет, место действия крайне важно, ведь сколько раз мы с вами наблюдали: особые свойства крови проявляются лишь в том месте, где она пролилась... И вот, именно туда ничего не подозревающая Мария, желая музыки, развлечения, смеха, зовет столь же ничего не подозревающего Риццио; он ужинает с дамами в небольшой, уютной столовой зале королевы, исполняя все, чего от него ждали, – отпускает шуточки (скорее всего, непристойные, в адрес Дарнли), играет на музыкальных инструментах, как умеет играть только итальянец, и танцует с дамами, хотя сама королева, *enceinte*⁷, скорее всего, не принимает участия в танцах. Радующая душу сцена, и для ее завершения нужен лишь верный, заботливый муж... а отнюдь не пьяный амбициозный дурак. Но поздно – дурак уже явился... Он является, по гротескной иронии судьбы, через маленькую потайную лестницу, соединяющую покои королевы с его собственной комнатой этажом ниже. В первый миг собравшиеся растеряны: Дарнли так редко появляется в этих покоех – ведь свой супружеский долг он уже исполнил полгода назад. Но приветствуют его со всяческим подоба-

⁷ Беременная (фр.).

ющим его титулу уважением. Тут, однако, являются его неотесанные сообщники, незванные и нежданные, через тот же самый потайной «ход любви» – Дарнли раскрыл им секрет. Они тут же грубо объявляют королеве, что собираются очистить ее покои от человека, которого они именуют «занесшимся римским блудником». Мария, истинная королева, более разгневана, чем испугана; муж ее, однако, и не пытается протестовать. Он стоит с виноватым лицом, пьяный до того, что даже не способен сам объявить королеве о своем предательстве. Являются новые дворяне-деревенщины и пытаются схватить Риццио, а он, подобно комнатной собачке, ищет спасения за юбками хозяйки, цепляясь за них в надежде сохранить, как он теперь понимает, свою жизнь – но поздно! Мария храбро спрашивает у пришельцев, чего им надо, и они во второй раз грубо говорят, что желают очистить покои королевы от сластолюбивого интригана, который валяется у нее в ногах... Лорды наконец с силой хватают Риццио – Мария бросается на защиту, – Дарнли, трусливый предатель, стоит в стороне, сильный во всем, но бессильный в главном. Подручные вытаскивают пистолеты. Сначала, чтобы заставить Риццио подчиниться, они приставляют оружие к утробе королевы, желая убедить ее, что под угрозой сама ее жизнь и жизнь ее ребенка. Затем, однако, не обращая внимания на протесты Марии и испуганный визг ее дам, заговорщики волокут Риццио через опочивальню королевы на лестницу, а он взывает жалостно: «*Justizia! Justizia! Sauvez ma vie, madame!*»⁸ Но Мария бессильна его спасти. На главной лестнице башни эти храбрые шотландцы вынимают длинные, устрашающие кинжалы и наносят маленькому человечку невероятное количество ран – по некоторым рассказам, шестьдесят, но в любом случае не менее пятидесяти пяти. Пятьдесят пять или шестьдесят ран! Должно быть, на тельце музыканта не осталось живого места. Должно быть...

– Холмс, – отважился вставить я.

– Должно быть, в наши дни, увидев так сильно израненное тело, мы решили бы, что эти раны нанесла какая-то кошмарная машина...

Внезапно нас обоих швырнуло к задней стенке купе; бурную ночь пронзил скрежет – оглушительный, наводящий ужас; я чуть было не принял этот звук за вопль давно покойной королевы шотландской, настолько увлек меня рассказ Холмса. Похоже, с поездом случилась какая-то беда, и, судя по тому, как проскрежетали и замерли на рельсах стальные колеса, как оглушительно просвистел паровоз, – беда серьезная. Едва мы уселись обратно, как сноп искр из могучего локомотива осыпал наше купе и то, что было за ним, а откуда-то из окружающей темноты до нас донесся новый, еще более зловеющий грохот.

Безо всякого сомнения, это был взрыв, и отнюдь не того рода, что случаются в паровозных котлах.

– Снаряд, Ватсон? – вскричал Холмс.

– Не похоже! Для артиллерии раскат слишком глухой, – отозвался я.

Холмс бросился к окну – поглядеть, что там впереди.

– Значит, бомба – да, глядите, вон там, близ путей!

– А вам не видно, целы ли пути? – спросил я, присоединяясь к нему.

– Целы, кажется... хотя...

Тут мы с Холмсом повернули головы, заметив, что какая-то тень стремительно несется к нашему вагону; но никто из нас не успел и слова сказать, как тень вскочила на подножку нашего купе и неожиданно сильными руками толкнула нас внутрь, так что мы оба потеряли равновесие. Я оказался на полу; Холмса едва не постигла та же участь, но ему удалось упасть на сиденье.

– Умоляю, не высовывайтесь! – раздался голос человека, в котором Холмс перед отъездом из Лондона опознал морского офицера. Виртуозно выругавшись несколько раз, ранее

⁸ Справедливости! Справедливости! (*ит.*) Мадам, спасите мою жизнь! (*фр.*)

спокойный и учтивый молодой человек выхватил флотский револьвер и захлопнул наше окно. Послышались крики, захрустели по гравии тяжелые сапоги, удаляясь вдоль путей...

Мы только начали приходить в себя, как прогремели выстрелы.

Я быстро достал свой армейский револьвер и решил опять подойти к двери – меня возмутило, что мне и моему достойному другу приказывают сидеть и не высовываться, и кто – щенок в офицерской форме, который даже фронтового пороха не нюхал.

– Подумать только, – бормотал я, взводя курок. – «Военная разведка», тоже мне!

Я уже было дотронулся до задвижки, но тут Холмс вцепился в мою руку с криком:

– Ватсон, берегитесь! – и рванул меня обратно. Он заметил то, чего не видел я: другого молодого человека, еще более возбужденного, чем первый, бледного, с картинно фанатичным лицом. Образ дополняли огненно-рыжая борода и такая же длинная и рыжая всклокоченная шевелюра, но ужаснее всего был огромный жуткий шрам, который изуродовал его правую щеку и омерзительно закрыл правый глаз. Стекло двери не выдержало натиска мускулистой руки и острого локтя незнакомца и разлетелось в куски – мы с Холмсом отпрянули, уворачиваясь от летящих в купе осколков.

– Мы знаем, чаво вам тут надо! – Юный безумец говорил с сильным шотландским акцентом, и, услышав его слова, я в то же время уловил запах горящего черного пороха. – Не кончать вам больше шотландских патриотов! Зараз спробуйте-ка то, что вы учинили Деннису Маккею!

Мы с Холмсом не успели ни двинуться, ни слова сказать, как молодой человек отпрянул от окна, бросив пред тем в купе какой-то предмет.

Взглянув на пол, мы с Холмсом увидели ужасное – небольшую самодельную бомбу.

Жестянка средних размеров была битком набита зернистым взрывчатым веществом, заткнута и утрамбована чем-то подозрительно похожим на пироксилин, или «бумажный порох», используемый в современной артиллерии для пыжей. Крышка, плотно прикрученная проволокой, была продырявлена посередине, из дырки торчал самодельный запальный шнур.

Холмс издал краткий звук, который даже для него был довольно жалким подобием смеха.

– Жестянка из-под табаку! – воскликнул он, а затем повернулся ко мне: – *Бомба* в жестянке из-под табаку! Вдвойне смешно, а, Ватсон?

– Совсем не смешно, Холмс! – крикнул я, борясь с желанием схватить его за плечи и хорошенько встряхнуть. – Шнур горит!

Глава 4

Из тумана

Холмс почти небрежно пожал плечами и приблизился к смертоносному устройству.

– Знаете, Ватсон, он, конечно, горит, но этим шотландским националистам есть чему поучиться у своих ирландских кузенов...

Нагнувшись – мне этот жест показался самоубийственно храбрым, – Холмс попросту выдернул шнур из жестянки, бросил на пол и растоптал. Я стоял будто громом пораженный, а Холмс поглядел на меня и разочарованно поморщился:

– Ватсон, только не говорите мне, что вы не узнали запах медленно горящего черного пороха.

Мне вдруг стало стыдно:

– Ну... да. Теперь, когда вы об этом упомянули...

– У нас было по меньшей мере десять или пятнадцать секунд, чтобы решить эту проблему.

Я вновь спрятал свой уставной револьвер, глядя на Холмса, – у меня в душе боролись восхищение и гнев.

– Простите, Холмс, я, наверное, от чрезмерной тревоги потерял голову, но...

– Пустяки, старина, – быстро ответил Холмс, протягивая мне руку. – В конце концов, неизвестно, как я бы вел себя на вашем месте, на северо-западной границе, при виде атакующих афганцев с мультаками⁹.

То были благородные слова; но, прежде чем я успел достойно ответить, мы услышали быстрые шаги – они снова приближались по гравию железнодорожной насыпи; видимо, это шли наши сопровождающие. Холмс сильно сжал мне руку, спрятал в карман смертоносную жестянку и пробормотал:

– Думаю, Ватсон, нам лучше не рассказывать подробно о том, что мы видели, – эти люди явно что-то знают о нашей миссии и о своей собственной, но не говорят; с какой стати нам быть великодушнее?

Я кивнул, и тут в опустевшей раме окна показалось другое лицо – добродушного морского офицера.

– Ага! – воскликнул он. – Значит, он и здесь побывал!

– *Кто-то* был, несомненно, – торопливо солгал я. – Только мы не успели его разглядеть – он разбил стекло, но больше ничего не успел сделать, и тут же явились вы.

Молодой офицер кивнул, держа револьвер наготове.

– Повезло, – ухмыльнулся он, вновь обретая всю свою любезность. Потом, кажется, учуял что-то. – Скажите-ка, чем это пахнет? – спросил он, испытующе глядя на нас.

– Боюсь, это я виноват, – ответил Холмс, видя, что я уже истощил свои способности к импровизации. – Я так разволновался, что мне захотелось покурить, но с тех пор, как разбилось окно, у меня руки трясутся. Я исчиркал целую коробку спичек, – в доказательство он продемонстрировал незажженную трубку, – и все безрезультатно.

Офицер прищурился.

– *Вы*, мистер Холмс?

⁹ Мультук – кремневое (иногда даже фитильное) ружье с очень длинным стволом крупного калибра. Во времена Холмса и Ватсона было на вооружении афганской армии. Именно из мультука Ватсона ранили в плечо в Афганистане.

– Увы, приобретая возраст и опыт, теряешь способность владеть собой под огнем. – Холмс дружелюбно кивнул молодому человеку. – Надеюсь, вам повезет и вы не испытаете этого на собственной шкуре.

Молодой офицер, видимо, вполне удовлетворенный, опять улыбнулся и отступил от двери.

– Джентльмены, не желаете ли перейти в другое купе? – Он указал на пустую раму. – К сожалению, холодает, и дождь, кажется, перестанет не скоро.

– Превосходная мысль, – ответил Холмс. Он показал рукой на дверь: – Ватсон, я полагаю, вам не хочется вдобавок ко всем приятностям этого вечера заполучить еще и лихорадку...

Я сначала не понял, почему Холмс настаивает, чтобы я вышел первым, но скоро мое недоумение развеялось: едва я встал, снял с багажной полки свои саквояж и футляр с удочками и продвинулся к двери, Холмс, пользуясь тем, что я его загородил, быстро нагнулся и подобрал остатки обгорелого фитиля.

– Разумеется, нет, – отозвался я, мешкая в дверях купе, чтобы дать Холмсу побольше времени. – Я надеюсь, пути не повреждены? – спросил я у офицера.

– Нет, доктор, – боевик, бросавший бомбу, поторопился, и вышел недолет.

– Кажется, гораздо проще было бы *подложить* ее, а не бросать.

– Вы же знаете этих типов, доктор, – презрительно ответил молодой человек. – Ни характера, ни опыта – одни убеждения.

Я уцепился за эту оплошность:

– Вот как? Стало быть, вы знаете, кто они такие?

Он снова только улыбнулся в ответ – обаятельно, однако уклончиво, как я уже начал понимать.

– Я бы на вашем месте оставил эти вопросы до randevu, доктор. Если не возражаете.

Я посмотрел на него дружелюбно и пытливо:

– Рандеву?

– Да. На самом деле нам повезло – мы собирались остановиться через несколько минут, и тогда мы были бы гораздо уязвимее.

Заметив, что Холмс уже сделал свое дело, я сказал:

– Ну хорошо, теперь я точно знаю, что вы не собираетесь объяснять свою загадочную фразу, так что давайте двигаться. На одно купе назад, а, Холмс? Подальше от очередного фейерверка.

– Совершенно с вами согласен, Ватсон, – ответил Холмс, наконец-то догоняя меня со своим багажом.

Молодой офицер, наблюдая, как мы перебираемся на новое место, произнес:

– Мы сейчас вновь тронемся, но, как я уже сказал, скоро опять остановимся – и на этот раз, я полагаю, по гораздо более приятному случаю.

С этими словами он убежал вперед. Вокруг нас перекрикивались; я не все разбирал, но, во всяком случае, эти крики не сообщали о поимке безумца, чье искаженное лицо запечатлелось у меня в памяти. Мы заперлись в купе, и через несколько секунд поезд опять тронулся.

– Подумать только, Холмс! – сказал я. – Он ни единого слова не сказал в объяснение этого чудовищного дела!

– Нет, – отозвался Холмс, вынимая из карманов невзорвавшуюся бомбу и остатки фитиля и раскладывая их на носовом платке, который расстелил на свободном сиденье. – Только не говорите мне, что вас это удивляет. Мы до сих пор не знаем точно, кто они такие, а теперь еще это «randevu»!

– Нелепица, – вот все, что я мог сказать; я подошел к Холмсу и начал разглядывать устройство, созданное, по-видимому, чтобы убить нас. – Эта вещь хоть что-то говорит о том, кто на нас покушался?

Холмс, кажется, не особенно обольщался надеждой.

– Табак, популярный в юго-восточной Шотландии. Недорогой сорт с ярко выраженным вкусом и запахом.

– Холмс, я не об этом спра...

– Но все равно, это вдвойне смешно, Ватсон, – наше расследование началось с табака, а едва мы начали припоминать историю королевы шотландской и ее противников, как человек, похожий на горца-фанатика, бросает в нас эту штуку...

– «Похожий»? – изумился я. – Если это всего лишь копия, не хотел бы я встретиться с оригиналом.

– Да и я тоже... – Холмс замолк, продолжая разглядывать бомбу и осторожно разбирать ее. – Пироксилин, «бумажный порох», – сказал он, отщипывая кусочек. – Вы, конечно, заметили?

– Заметил, – отвечал я. – Я впервые столкнулся с ним в Афганистане, когда мы начали пользоваться винтовками Армстронга. Если бы тот, кто сделал эту бомбу, знал свое дело, он понял бы, что пироксилин гораздо опаснее черного пороха. С такими пропорциями, будь запальный шнур должной длины, бомба взорвалась бы в броске, и сам бомбист, скорее всего, тоже бы погиб.

Холмс втянул носом характерный запах азотной и серной кислоты – ими пропитывают обычный хлопок, применяемый артиллеристами для пыжей, чтобы превратить его в пироксилин для увеличения взрывной силы.

– Да, Ватсон, – сказал он наконец, – и эта несуразица заслуживает внимания. Это вполне... – Холмс замолк и опять погрузился в свое исследование.

– Холмс, – осведомился я, – почему вы сказали, что бомба – это смешно, поскольку мы обсуждали королеву шотландскую и ее врагов?

– Гм? А, да. Ну как же, мы ведь остановились на том самом месте, Ватсон! Неужели вы не помните, какая судьба постигла Дарнли, малодушного супруга королевы? Через несколько месяцев после рождения ребенка, которого носила Мария в ночь убийства Риццио – Иакова, ставшего шестым монархом этого имени в Шотландии и первым в Англии, – Мария страстно полюбила...

– ...да, графа Босуэлла, – продолжил я, вспомнив наконец эту историю. – Человека огромной физической силы и неколебимой верности – по крайней мере, так о нем рассказывали.

– Совершенно верно. А затем, не прошло и года после рождения наследника, дом, где жил Дарнли, изгнанный из королевского дворца, был сметен взрывом огромной силы. Сам Дарнли избежал смерти в последний момент, но был найден задушенным рядом с развалинами дома.

Я откинулся назад, слегка оглушенный этим океаном безбрежного насилия, который словно смыкался вокруг нас, пока мы неслись через бурную ночь в края с еще менее гостеприимным климатом.

– Зверские убийства, колотые раны... взрывы... Холмс, ради всего святого, куда мы движемся?

Холмс выглянул в окно:

– В Шотландию, я полагаю.

– Да, да, но... – Я напряг все свои измученные нервы, чтобы вернуть себе способность разумно мыслить. – Я бы хотел привлечь ваше внимание к одному важному моменту, Холмс.

– Вот как?

– Да, – начал я. Тут я ощутил, что поезд тормозит, и меня кольнул страх; но по крайней мере на сей раз торможение было постепенным. – Я только... я хочу сказать, что меня, так же как и вас, возмущает убийство Риццио – это было поистине зверское преступление... но вы, похоже, придаете слишком большое значение сходству характера и расположения ран в этом

убийстве и в смерти Синклера и Маккея. Разумеется, это чистое совпадение, и больше ничего! Разве что... – Я умолк, не зная толком, как преподнести свое следующее утверждение, а тем паче – как озвучить сомнения, вызвавшие его к жизни.

Холмс же, судя по всему, неловкости моей не заметил:

– Я не верю в совпадения, Ватсон, тем более – если речь идет об убийстве.

– Мне ли не знать?

– Тогда извольте закончить свою фразу: «Разве что...»

– Ну хорошо. Я собирался сказать: разве что вы действительно верите, будто между убийством Риццио и делом, которое мы расследуем, есть какая-то... какая-то потусторонняя связь.

Холмс непонимающе уставился на меня.

– Мне казалось, это довольно ясно: я *действительно* считаю, что власть духов лежит в самой *основе* этого дела, Ватсон.

– Не может быть, Холмс! Вы хотите сказать, что верите, будто тут действовали *потусторонние* силы? Мстительный призрак, обитающий в Холируд-Хаусе?

Лицо Холмса начало расплываться в улыбке, которая, будь она чуть шире, стала бы положительно неприятной и вызвала бы у меня сильную тревогу. Не переставая улыбаться, он приоткрыл было рот, словно желая что-то сказать, но в этот миг поезд затормозил сильнее. Подавшись к двери и выглянув в окно, я не заметил поблизости ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего жилье, а тем более станцию. Холмс, тщательно завернув и спрятав все остатки бомбы, присоединился ко мне, но ему повезло не больше моего. После чего мы презрели наставления наших юных «опекунов» – открыли дверь купе, откинули пару ступенек под ними и начали спускаться на землю. С высоты насыпи взорам нашим предстала еще одна тревожная картина.

Разнообразные сотрудники разведки опять высыпали наружу и прочесывали местность по обе стороны путей с оружием наготове, вселяя сомнения в правдивости слов флотского офицера, что остановка наша планировалась заранее. В густом тумане, еще более непроглядном из-за огромных клубов пара, которые испускал наш паровоз словно бы из всех отверстий и трещин своей железной шкуры, люди вели себя при поисках еще лихорадочнее, чем во время нападения (но, может, мне и померещилось). Я мог сделать единственный вывод – нам грозит опасность гораздо серьезнее, нежели националисты с бомбами; и я тут же заметил то, что, по всей видимости, вызвало их беспокойство.

– Глядите-ка, Холмс! – вскричал я.

Мы оба увидели в каких-то тридцати ярдах от паровоза пылающий красный огонь – футах в шести-семи над землей, в тумане и пару он, казалось, мигал, словно глаз какой-то сказочной твари.

– Следовало ожидать, – раздумчиво проговорил Холмс, – что драконы могут водиться в *Уэльсе*, но в Шотландии...

Вскоре стало очевидно: огонь приближается к нам, хоть и неспешно; а совсем немного погодя стало так же очевидно, что наш «драконий глаз» – не что иное, как фонарь сигнальщика, оснащенный ярко-красной линзой. Когда в мареве фонаря показалась человеческая фигура, разведчики обменялись окликаками и окружили пришедшего – чрезвычайно высокого и массивного, облаченного в длинный плащ и фетровую шляпу; он опирался на изрядной работы прогулочную трость. Однако ясно было, что тип этот никакой угрозы не представляет, ибо молодые люди немедленно оружие свое направили вверх, а в их осанке начало сквозить почтение. Через несколько секунд человек оказался в десятке шагов от нас, и в мерцании фонаря мы отчетливо разглядели его лицо.

То был Майкрофт Холмс, и никогда я не видел его до такой степени не в своей стихии. Он стоял, выдыхая большие клубы пара, а молодые люди ему что-то рассказывали – должно быть, про атаку бомбистов. Потом он отдал какой-то приказ собравшимся офицерам – твердо,

однако отчасти непривычно, и те немедленно повиновались, ринувшись прочь во все стороны. Майкрофт же подошел к нашему вагону, все так же тяжело дыша, пыхтя и отдуваясь.

Холмс проворно спрыгнул на ступеньку, просунул руку в открытое окно и стал качаться туда-сюда вместе с дверью.

– Что ж, брат! – воскликнул он. – Ты, похоже, стал верховным жрецом какого-то восточного культа – у тебя и прислужники есть, и кровавые обряды. И совершать их надо непременно под покровом ночной темноты, в грозу, где-то в... Впрочем, я даже не рискну гадать, где мы находимся. Я бы сказал, что мы как раз пересекли границу с Шотландией, но последний час я как-то не следил за дорогой.

– Пожалуйста, Шерлок, отойди от двери, – устало отвечивал Майкрофт. Я впервые видел на его широком лице такой румянец, а в поразительных серых глазах – такую решимость. Когда его брат повиновался, отступив в глубь вагона, Майкрофт прибавил: – Нам есть о чем поговорить, а если я сейчас не сяду, я потеряю сознание, и тогда, боюсь, от меня будет мало проку.

Мне стоило немалых трудов помочь старшему Холмсу забраться в вагон. Он же обернулся и странно поглядел на меня – то, что светилось в этом взгляде, вероятно, для любого из братьев Холмс было высшей степенью выражения доброты и благодарности.

– Я благодарен вам, доктор, что согласились поехать. – Я последовал за Майкрофтом внутрь и опустился напротив него рядом с Холмсом; разведчики тем временем возились с дверью нашего купе, готовясь ехать дальше. – Я не ошибусь, предполагая, – продолжал Майкрофт, – что никто из вас двоих не пострадал во время происшествия?

– Не ошибешься... если уж ты решил строить предположения, а это пагубно влияет на умственные способности, Майкрофт. Ибо в твоей телеграмме не было ни слова про сумасшедших бомбистов.

На лице старшего Холмса отразилось ужасное замешательство.

– Шерлок, я приношу извинения за такой непредвиденный поворот событий. И вы, доктор, надеюсь, тоже извините меня. Я просто не думал, что дело так скоро станет смертельно опасным.

– Иными словами, ты знал, что оно станет смертельно опасным *рано или поздно*, – откликнулся Холмс.

– Разумеется, – просто ответил Майкрофт. – По-моему, в телеграмме об этом говорилось. – Он, кажется, слегка удивился. – Надеюсь, мое сообщение было не слишком трудно расшифровать?

– Отнюдь, сэр, – сказал я, чувствуя, что ситуация заставляет меня смотреть на человека, вместе с которым я расследовал не одно опасное дело, с еще большим уважением.

– Майкрофт, не позволяй Ватсону себя одурачить, – ответил Холмс на вопрос брата. – Уж ему-то пришлось потрудиться над разгадкой твоей депеши!

Майкрофт одарил брата взглядом, в котором мешались снисходительность и раздражение:

– Шерлок, до чего же мастерски ты оскорбляешь нас обоих. – Он глянул на меня. – Шерлок всегда был врединой, доктор, даже в детстве – никогда не упускал случая возвыситься за счет унижения других людей. Он и до сих пор такой.

Тут в окне возникло лицо морского офицера.

– Все чисто, мистер Холмс, – сказал он Майкрофту. – Никого и ничего, только овцы.

– Превосходно, – ответил Майкрофт начальственным голосом, в котором, однако, звучала какая-то неловкость. – Тогда, прошу вас, соберите остальных в вагон и отправимся в путь – мне хотелось бы оказаться на территории дворца до рассвета.

– Слушаюсь, сэр. – С этими словами молодой человек исчез; и действительно, через несколько секунд мы тронулись с места.

– Они все кипят решимостью, но, к моему огромному сожалению, путают усердие с эффективностью, – сказал Майкрофт, пока поезд, громыхая, разогнался вновь. – Например, стараются обходиться без имен – это чересчур отдает шпионажем в континентальном исполнении. Увы, Шерлок... – Он слегка преувеличивал, но жаловался, похоже, искренне. – Как я тебе завидую. Для детектива-консультанта всегда найдется местечко под солнцем – а для разведчика-одиночки? Это вымирающий вид! Подумайте только, вас двоих пригласили участвовать в расследовании, но при этом не хотят доверить вам даже *имен* наших сотрудников – кому тогда вообще можно доверять?

– Значит, это не твои охотничьи псы, Майкрофт? – спросил Холмс.

Его брат покачал головой:

– Ты же знаешь мои методы, Шерлок, не хуже, чем я твои. Я тружусь один, и к делу привлекаю лишь тех, кто в нем уже замешан, и тех, без кого мне почему-либо не обойтись. Только так можно добиться хоть какой-то секретности. А эти... – Он поднял огромную руку в перчатке и показал в голову, а потом в хвост поезда. – Это сотрудники армейской и военноморской разведки. Но я уверен, Шерлок, ты и без меня об этом догадался.

Холмс чуть наклонил голову, давая понять, что брат не ошибается.

– Так, значит, их прикомандировали к тебе?

– Да... и нет. Им приказали содействовать мне до окончания дела – невзирая на мои протесты, – но я совершенно уверен, что это «содействие» включает в себя надзор. При обычных обстоятельствах я никогда бы не позволил таким сомнительным типам наблюдать, как я работаю или как работаешь ты, – но мы сейчас далеко не в обычных обстоятельствах, как ты уже понял.

Холмс еще раз кивнул и проговорил:

– Под «обычными обстоятельствами» ты, видимо, имеешь в виду две заурядные смерти, даже два заурядных убийства двух королевских подрядчиков во дворце. – Майкрофт в ответ только откашлялся в замешательстве, но Холмс не отступал: – Ну же, брат. Ясно как день, что компания в нашем поезде собралась не для того, чтобы расследовать обычные убийства. Точно так же банда шотландских националистов – или же людей, которые старались *выдать себя* за шотландских националистов, – столь неумело пыталась нас уничтожить не потому, что мы едем расследовать какое-то заурядное убийство.

Майкрофт ответил недоуменным взглядом, и Холмс быстро посвятил его в подробности эпизода со второй бомбой, а также объяснил, почему скрыл детали от офицеров разведки: сию инстинктивную подозрительность, как мы уже поняли, Майкрофт не только понимал, но и разделял. Потом Холмс настойчиво произнес:

– Так что, Майкрофт, может, ты наконец расскажешь, зачем мы здесь?

– Я расскажу все, что могу, – но не отвлекайся, Шерлок. И вы, доктор, тоже. – Майкрофт извлек объемистую флягу, по горло наполненную, как я вскоре выяснил, превосходным бренди. – Вам нужно многое узнать, и я едва успею рассказать вам все до прибытия в Холируд-Хаус.

Глава 5

О королевских играх, а также о малых и великих мира сего

– Ты, Шерлок, конечно, уже рассказал доктору Ватсону о моих отношениях с Ее Величеством, – начал Майкрофт Холмс. – Я даже думаю, что это произошло еще до того, как вы покинули Бейкер-стрит.

– Элементарная дедукция, брат, и не стоит упоминания, – ответил Холмс. – Разумеется, я *должен* был все рассказать, чтобы убедить его, что дело в самом деле важное.

– Именно. – Майкрофт устремил на меня пронизывающий взгляд серых глаз под великолепным высоким лбом, который, как и все остальные благородные черты его лица, не вязался с огромным рыхловатым телом. – И что, доктор, – вы убедились?

Прежде чем ответить на вопрос, я с опаской взглянул на Холмса, чьи намеки на потустороннее объяснение убийств в Холируд-Хаусе до появления брата несколько меня тревожили.

– Видите ли, сэр, – уклончиво ответил я, – когда твой поезд пытаются взорвать, *поневоле* убедишься, что тебя втянули во что-то необычное. Но что до «важного дела»... Боюсь, мой ответ будет зависеть от того, какое именно дело мы обсуждаем.

Я неотрывно глядел на Майкрофта, но самым краем глаза видел и Холмса – мне показалось, что он качает головой и даже снисходительно улыбается.

– Разумеется, убийства Синклера и Маккея, – не раздумывая отвечал старший Холмс. Однако недоумение тут же исчезло, и на лице забрезжило понимание. – А! Я полагаю, Шерлок уже успел заразить вас своими причудливыми идеями, навеянными историей Холируд-Хауса.

– Милый Майкрофт, в моем анализе нет места «причудливому». Я просто посвятил Ватсона в предысторию дворца, без которой не понять до конца ни одного случившегося там убийства.

– В самом деле? И что, Шерлок, ты *всегда* собираешь местные легенды, готовясь к расследованию?

– Достоинства подобных легенд приходится взвешивать гораздо чаще, чем ты думаешь, братец. – Холмс уселся поудобнее с чрезвычайно самодовольным видом и опять закутался в пальто, подняв воротник. – А когда обстоятельства преступления наших дней точно соответствуют какому-то давнишнему преступлению, по моему опыту, без легенды здесь не обошлось.

Майкрофт скептически приподнял одну начальственную бровь:

– Надеюсь, я не совершил ошибки, попросив тебя о содействии, Шерлок. И я уверяю тебя – дело сие потребует всей серьезности, на которую ты можешь быть способен.

Я решил, что лучше вмешаться, пока разговор окончательно не выродился в перепалку двух братьев:

– Мне до сих пор неясно одно обстоятельство, джентльмены, и я был бы крайне благодарен, если бы меня просветили. – Оба повернулись ко мне. – Каждый из вас говорил о *двух* убийствах – но все газеты утверждают, что гибель сэра Алистера Синклера была несчастным случаем.

Майкрофт неловко откашлялся, как всегда в минуты замешательства, – типичная привычка флегматика.

– Боюсь, это я виноват, доктор. Я сейчас объясню вам, почему я обманул журналистов, и тем самым, – тут он еще раз пригвоздил брата взглядом, – *наконец-то* перейду к делу. Вы прочитали, что сэр Алистер уснул в высокой траве и попал под некую сельскохозяйственную машину, верно?

– Именно так, сэр.

– Боюсь, это была вынужденная ложь, – сказал Майкрофт.

– Ага! – воскликнул Холмс, улыбаясь, пересаживаясь на одно сиденье ближе ко мне и брату, чтобы грохот поезда не мешал ему слушать и быть услышанным. – Вот теперь-то мы и дошли до сути!

– Да, Шерлок. – Майкрофт, кажется, тоже готов был забыть об их минутной перебранке. – Ты совершенно правильно истолковал мое присутствие в этой дикой стране с непредсказуемым климатом: я здесь потому, что речь идет не о двух обыкновенных убийствах, а о гораздо более серьезных вещах. А это именно два убийства, доктор. Тело сэра Алистера – умершего недавно, но все-таки уже мертвого – намеренно *подложили* под эту сельскохозяйственную машину.

– Вот это мне особенно интересно, Майкрофт, – сказал Холмс. – Что это за машина и почему ты ее выбрал?

Я совершенно растерялся и в замешательстве уставился на Майкрофта:

– Вы, сэр?!

– Разумеется, он, Ватсон, – нетерпеливо ответил Холмс. – Он здесь, и он сказал, что история о несчастном случае – фальсификация. Вы должны были сделать очевидный вывод: Майкрофт и эти его временные приспешники, или еще какие-то помощники, которых мы пока не видели, положили тело под машину, чтобы полностью сбить со следа местную полицию.

Из этой фразы следовало столько невероятных выводов сразу, что я растерянно выпалил:

– Но зачем? Разве вы не хотели, чтобы власти знали, что случилось, если его в самом деле убили? А ведь, обманув полицию, вы обманули и прессу, и публику – почему?

– Потому, доктор, что нам нужно было обмануть прессу и публику *еще больше*, чем полицию, – ответил Майкрофт. – Но пусть факты говорят сами за себя – такой способ, как правило, ведет к наименьшим затратам энергии. И, прошу вас, выпейте немного бренди – такие вещи нелегко рассказывать. И слушать тоже нелегко...

Майкрофт Холмс щедро хлебнул из большой фляги в кожаном футляре, затем передал ее мне. Я глотнул крепкого напитка, Холмс отказался, и брат его начал рассказ:

– Я полагаю, даже ты, Шерлок, не знаешь точно, сколько было покушений на жизнь королевы за время ее правления.

Холмс не отвечал, но взглянул в окно вагона куда-то вверх, словно упустив что-то из виду. Наблюдая за ним, я тоже внезапно понял, что мы *оба* действительно кое-что упустили из виду, а именно – ключевые слова из телеграммы Майкрофта; мы беспечно проглядели их, торопясь перейти ко второй половине фразы, которая показалась нам важнее. Холмс повернулся ко мне и произнес эти слова:

– «Солнце слишком палит...»

– «В небе парят те же орлы», – отозвался я, повторив ту часть фразы, кою мы уже расшифровали; но теперь, когда мы узнали, что речь идет о безопасности королевы, стало совершенно ясно: «солнце», которое «слишком палит», означает, что Ее Величество *притягивает* к себе этих «орлов».

Холмс повернулся к брату:

– Я знаю, что было несколько покушений.

– Точнее говоря – девять, – ответил Майкрофт.

– Так много? – вновь удивился я. – Не может быть!

– Нам повезло, что их было не больше, – ответил Майкрофт Холмс. – И королевская семья – того же мнения. Видите ли, это ряд довольно необычных преступлений. Все покушавшиеся – довольно молодые люди, я бы даже сказал – юнцы. Во всех случаях использовались пистолеты; и во всех случаях, кроме первого и последнего, в заряде был лишь порох да пыж из газетной бумаги.

Холмс при этих словах заметно напрягся, однако продолжал сидеть неподвижно.

– В печати об этом ничего не было, – тихо сказал он.

Майкрофт медленно качнул массивной головой:

– Да, Шерлок. Не было.

В первые годы моего знакомства с Холмсом такое странное спокойствие сбило бы меня с толку; но теперь я предвидел, что это – просто очередное зловещее затишье, которое скоро сменится интеллектуальным и словесным подобием разразившейся бури. Майкрофт, кажется, тоже ожидал чего-то в этом роде. Поэтому мы оба удивились, когда Шерлок сказал только:

– Я помню, какой был приговор в известных мне случаях. Полагаю, всех остальных ждало то же самое: «невиновен по причине безумия», а затем – заключение в психиатрической лечебнице или же ссылка в колонии.

Майкрофт Холмс кивнул:

– Опять-таки к неудовольствию королевской семьи, особенно – принца-консорта, когда он был еще жив. После первого инцидента Альберт добился изменения закона. Теперь прицелиться в королеву из любого смертоносного оружия – уголовно наказуемо, даже если оружие не заряжено и не причинило никакого вреда. Хотя все равно по закону это лишь правонарушение, а не преступление. Еще принц чуть не добился, чтобы первого из преступников признали вменяемым и обвинили в мятеже и покушении на высочайших особ. Однако тот не выстрелил из пистолета – не успел, потому что на него бросился некий юноша из Итона. Поэтому, несмотря на всю серьезность дела, принцу не удалось добиться ужесточения приговора. В конце концов к наказанию, помимо высылки в колонии, добавили публичную порку по усмотрению суда – в том числе и для преступников, признанных безумными. Но дело в том, что все эти молодые люди, *казалось*, были не в своем уме, и поэтому нельзя было заставить ни один достойный английский суд присяжных осудить их по всей строгости закона.

Запоздалая буря наконец разразилась.

– Это уже слишком! – вскричал Холмс и взмахнул рукой, словно отметая незримого судью или присяжного. – Неужели *ни разу* не приглашали знатока огнестрельного оружия?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.